

Творчество Михаила Юдовского – явление в современной русской поэзии. Не может не удивлять обширность тематики его стихотворений, изысканная просодия, и особенно – «пушкинская» лёгкость его рифм, безупречное владение техникой стихосложения в сочетании с глубиной постижения мира.

Современной поэзии свойственно стремление текста к компактности и, в то же время, к объёмности изображения. Сложно не заметить этих общих тенденций развития русской поэзии. И, конечно же, важнейший элемент поэтики – наличие индивидуального почерка. Стихотворцы словно бы «настаивают» на тех «фишках», которые делают их узнаваемыми и любимыми. Внимательный читатель практически безошибочно может распознать в незнакомом тексте «фирменную» стилистику того или иного автора. Конечно, поэт – ещё и читатель. Непрямые заимствования у других стихотворцев раздвигают границы творческого «Я». Например, вот эта строфа Юдовского коррелирует с текстами безвременно ушедшего от нас выстрелом в Эквадоре Андрея Ширяева, с которым Михаила связывала крепкая фейсбучная дружба:

Три яблока, один стакан с вишнёвой
наливкою. Мне хочется по новой,
разбрасывая точки и тире,
прислушаться к осеннему сигналу,
сворачивая время, как сигару
катает негритянка на бедре.

«Города-спутники» родственных душ расширяют вселенную Михаила Юдовского. Поэт, при всей своей цельности и монолитности, всегда немного «полистилист» внутри собственных исканий. Это придаёт его творениям жизненную силу. Юдовский – неисправимый силлабо-тоник. Он достигает в этом амплуа если не совершенства, то, по меньшей мере, виртуозности исполнения. При этом стихи его льются легко, свободно – так же, как и пишутся. Не только язык владеет

поэтом, но и поэт, несомненно, владеет языком. Меня всегда удивляет языковая мощь в произведениях человека, живущего на чужбине. Правда, сейчас наступило принципиально другое, «интернетное» время, которое способствует широкому общению на родном языке. Да и в Германии, где проживает ныне Михаил Юдовский, русскую речь можно услышать теперь повсеместно. К тому же Михаил часто приезжает в Киев, на свою малую родину.

У Юдовского есть то, что делает поэта мастером – звук. Что такое звук в поэзии? Это не только аллитерации согласных, но и магическое ауканье гласных звуков. Фонетическое волшебство речи. Например:

Вырывай из судьбы листы
и, не помня, к чему и кто ты,
из космической пустоты
извлекай по частям пустоты.

Или вот так:

Поминай меня лихом, вышивай меня лыком,
напиши на иконе с полуангельским ликом
и, покрыв меня лаком, осчастливь меня лайком,
предназначив вахлакам и породистым лайкам.

А вот чудесная аллитерация на «р»:

Свирепые опричники окраин,
разбойные поэты-соловьи,
проросшие меж раем и сараем,
теряют рай, как мы его теряем,
живя на расстоянии любви.

На «ла»:

Пора возвращаться в родные палаты,
где в белых халатах гуляют пилаты,
галантно затеяв с медсестрами флирт.
С одним из пилатов, я слышал, пила ты
из жертвенной чаши этиловый спирт.

Поэт часто использует многосмысловую строфу из шести строк, где рифмуются первая строка со второй, четвёртая с пятой и третья с шестой. Но попадаются и пятистрочная, как в приведённом выше фрагменте, и обычная, из четырёх строк. У Юдовского, конечно же, важна игровая стихия языка: парадоксы, игра слов, «выворачивание»

устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Чем выше смысловая нагрузка в стихотворении, тем неочевиднее, незаметнее проступают у автора его фонетические приёмы:

Здесь от безвестья до безвестья
растет отчаянье в телах.
Здесь отражаются созвездья
в кривых от скуки зеркалах.

Здесь бесноватым полукровкой
закат, поднявшийся во фронт,
пороховой татуировкой
пунктирно метит горизонт.

Здесь тени, острые, как бритвы,
срезают грани и углы.
Здесь бормотание молитвы
неотличимо от хулы.

Луны погасшая лампада,
шипенье высохшей воды –
какая жалкая награда
за бесполезные труды.

И, зачерпнуть пытаюсь воду,
ты пьёшь, как дьявольский настой,
невыносимую свободу,
граничащую с пустотой.

Прекрасные стихи! Нужна ли нам свобода, граничащая с пустотой? Вопрос риторический. Хотелось бы сказать ещё вот о чём. Поэзия предоставляет нам уникальную возможность, которой раньше с успехом пользовались дельфийские оракулы: не говоря впрямую, а только намекая, сказать решительно всё! И в этом – полнота свободы и свобода полноты. Но здесь тоже нельзя ошибиться. Нужно суметь проплыть между Сциллой и Харибдой. Михаил Юдовский прекрасно пользуется иносказанием. Оно у него зачастую – второе «дно» лирического повествования. Молитва, неотличимая от хулы – это же страшно! Каждый из нас сталкивался с подобными масками квасного патриотизма. Это рудимент времени, когда ненависть считалась чем-то священным. «На бой кровавый, святой и правый...».

Традиционная поэзия Михаила Юдовского не только высокохудожественна, но и суперактуальна по содержанию.

Потерянность свыкается с потерей.
Десяток вер и тысяча неверий

засеяли нерайский этот сад,
где, сидя на развалинах империй,
помазанники курят самосад.

Не зная, чем придется повечерять,
шатается распущенная челядь,
вчерашние холопы и князья.
И я пишу: «Исправленному верить...»
и добавляю с горечью: «...нельзя».

Речь поэта высоко метафорична, с обилием тропов и других художественных приёмов. Не чужды поэтике Юдовского и авторские неологизмы. Например, «единомысье» – «к единомысью сходятся заливы». Каждый раз, читая стихи Михаила, поражаюсь богатству языка этого удивительного поэта и художника. Не могу не отметить принципиальное двуязычие бывшего киевлянина. Михаил пишет по-русски и по-украински. При этом он предлагает авторские версии своих стихов на обоих языках! Эта билингва в сложившейся ситуации словно бы противостоит неразумности и бесчеловечности политики, разделяющей народы. Юдовский говорит «да» и русскому языку, и украинскому, и это нормальная позиция поэта и человека. Поэт оптимистичен – в исторической перспективе всё будет хорошо:

Данайцы ушли, не оставив на память даров –
ни мягких персидских ковров, ни швейцарских коров,
явившись толпою, заведомо склонной к разбою,
данайцы ушли и дары прихватили с собою.

Я рад, что данайцы забрали с собою подарки –
свечные огарки, сигарки, почтовые марки,
бочонки с икрой, коробки с настольной игрою,
оставив лишь Троию, но верной укладу и строю.

На улицах смутно. Повсюду твердят, что Приам
был слишком упрям, чересчур несговорчив и прям.
Что зря-де Приам отправляет молитвы Приапу,
покуда собака Приама грызет себе лапу.

Всё будет прекрасно. Отправится юный Парис
сажать кипарисы, выращивать в озере рис,
и Гектор засеет отборной пшеницей гектар,
и пчёлы доставят в подвалы цветочный нектар.

Простор голубеет. Безоблачно чист горизонт.
Эгейской волной забавляется утренний Понт.
И время негленно. И в море зайдя по колено,
глядит ностальгически в сторону Спарты Елена.